

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-253-265>

**Чужой: от этносоциальной герменевтики
к трансгуманистическому пониманию эпохи постпандемии
(антропологические и культурологические аспекты)**

Н. Вукчевич¹, В. О. Шелекета^{1,2}✉

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

² Белгородский университет кооперации, экономики и права
ул. Садовая 116а, г. Белгород 308023, Российская Федерация

✉ e-mail: vladshelo@mail.ru

Резюме

Актуальность. Проблема исследования феномена чужого актуализируется в связи с изменениями в практиках социального действия ввиду распространения коронавирусной инфекции и возникших форм социального разделения, правил поведения, а также запретов на передвижение. Это вызывает закономерные аллюзии с феноменом гетто как практикой изолирования в контексте антропологических и культурологических измерений этого понятия.

Целью статьи является рассмотрение исторических предпосылок обособления чужого в антропологическом и культурологическом контекстах, а также анализ постгуманистической парадигмы трансформации телесно-психического облика человека информационного этапа цивилизации.

Задачи: определить содержательный контекст понятия чужого с позиций этносоциального герменевтического подхода; выделить специфические для понимания феномена отчуждения как явления современного общества в контексте постмодернизма; верифицировать понимание телесного и психического в их трансформационном для понимания трансгуманизма потенциале.

Методология: метод феноменологической герменевтики; этносоциальный подход к антропологическим феноменам; методологические установки «разоблачения общества потребления» постмодернизма, а также технологический оптимизм нового типа трансгуманизма.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что «негативной индивидуацией» порождается феномен чужого, поскольку процесс, в котором человек не может прийти к самореализации своей аутентичной личности, приходит к умножению личности до той меры, что чужое становится неким «внутренним гетто». Трансгуманизм ввиду наличия развитых технологий в области естественных наук, в частности в генетике, обостряет эту проблему до тотального неразличения экзистенциально своего.

Выводы. Процесс медиализации телесности имеет продолжение в период пандемии. Человек сегодня полностью включен в дискурс медицины, ведь ограничения, вводимые на отправление физических, биологических, социальных и духовных проявлений человека, носят поистине тотальный характер, а тело выступает в эпоху постпандемии как, с одной стороны, источник конструирования, чему способствует распространение мировоззрения трансгуманизма, с другой – как онтологически чужое.

Ключевые слова: чужой; гетто; эпоха постпандемии; трансгуманизм; трансформация телесности; отчуждение.

© Вукчевич Н., Шелекета В. О., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2022; 12(5): 253–265

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Вукчевич Н., Шелекета В. О. Чужой: от этносоциальной герменевтики к трансгуманистическому пониманию эпохи постпандемии (антропологические и культурологические аспекты) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 253–265. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-253-265>.

Поступила в редакцию 28.07.2022

Принята к публикации 29.08.2022

Опубликована 14.10.2022

Alien: from Ethnosocial Hermeneutics to Transhumanistic Understanding of the Post-pandemic Era (Anthropological and Cultural Aspects)

Nemanja Vukcevic¹, Vladislav O. Sheleketa^{1,2} ✉

¹ Belgorod State Technological University named after V. G. Shoukhov,
46 Kostyukova Str., Belgorod 308012, Russian Federation

² Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya Str., Belgorod 308023, Russian Federation

✉ e-mail: vladshelo@mail.ru

Abstract

Relevance. The problem of studying an alienation phenomenon can be updated in relation to changes in the practice of social action. We are witnessing that due to the spread of the corona virus infection and the emergence of social division forms, the rules of behavior and movement bans are changing and taking place. This evokes natural allusions to the ghetto phenomenon as a practice of isolation in the context of the anthropological and cultural dimensions of this concept.

The purpose of the article is deliberate the historical preconditions for alienation in an anthropological and cultural context. Analysis of the posthumanist paradigm of the body and the mental image of man transformation in the information civilization, as well.

Objectives: to determine the meaningful context of the concept of alien from the standpoint of the ethno-social hermeneutic approach; to identify specific for understanding the phenomenon of alienation as a phenomenon of modern society in the context of postmodernism; to verify the understanding of the bodily and mental in their transformational potential for understanding transhumanism.

Methodology: the method of phenomenological hermeneutics; ethnosocial approach to anthropological phenomena; methodological attitudes of "exposing the consumer society" of postmodernism, as well as technological optimism of a new type of transhumanism.

Results. The study revealed that the phenomenon of the alien is generated by "negative individuation", since the process in which a person cannot come to the self-realization of his authentic personality comes to the multiplication of personality to the extent that the alien becomes a kind of "inner ghetto". Transhumanism, due to the presence of advanced technologies in the field of natural sciences, in particular in genetics, exacerbates this problem to the total non-discrimination of existentially its own.

Conclusions. The process of medicalization of physicality continues during the pandemic. A person today is fully included in the discourse of medicine, because the restrictions imposed on the administration of physical, biological, social and spiritual manifestations of a person are truly total, and the body acts in the post-pandemic era as, on the one hand, a source of construction, which is facilitated by the spread of the transhumanism worldview, on the other - as an ontologically alien.

Keywords: alien; ghetto; post-pandemic era; transhumanism; physical transformation; alienation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication,

personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Vukcevic N., Sheleketa V. O. Alien: from Ethnosocial Hermeneutics to Transhumanistic Understanding of the Post-pandemic Era (Anthropological and Cultural Aspects). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(5): 253–265. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-253-265>.

Received 28.07.2022

Accepted 29.08.2022

Published 14.10.2022

***

Введение

Недавние глобальные события в мире вполне объективного характера способствовали существенным переменам в основаниях современного социального мышления и практиках социального действия. Среди этих событий первое по своей масштабности и значительности – распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 [1]. Сравнительно короткая история этого события напомнила нам о строгих запретах и ограничениях на передвижение (локдаунах), предоставлении права на передвижение с помощью какого-либо отличительного знака (QR-кода), латентном разделении на «своих» и «чужих» (вакцинированных и не вакцинированных), – все это в своей совокупности вызывает устойчивые, но по природе своей, скорее всего, социокультурные ассоциации с понятием «гетто», критические для нашей исторической памяти.

Моральное обособление или некоторое поражение в правах чужих здесь происходит не так, как в ghetto nuovo новой и новейшей истории человечества; ведущим становится не этнический признак, но предстает как общая установка на обособление и дегуманизацию чужого. В контексте недостаточно разъяснённых с медицинской точки зрения условий окончания пандемии возник глобальный феномен политического и геополитического характера, который напомнил нам о принудительном перемещении или ограничении перемещений индивидуумов и населения, физических и юридических лиц, ресурсов. Вполне практический вопрос о возможных исходах из глобально-

го и множественного мира новых социальных гетто, как будто невольно возникающих в современном мире, требует определенных смысловых уточнений и герменевтического комментария: если мы и не увидим полный фактический профиль этой массовой ситуации обособления **чужого**, то, вероятно, сможем говорить о его познавательной перспективе.

Материалы и методы

Вообще говоря, понятие чужого имеет исторические предпосылки и демонстрирует свою актуальность в силу ее неразработанности в историко-философском дискурсе. В своей книге «Основные мотивы феноменологии Чужого» (нем. *Grundmotiven einer Phänomenologie des Fremden*) немецкий философ Бернхард Вальденфельс приводит три определения понятия **чужого** [2]. Первое определение он выстраивает посредством обращения к категории собственности (**имущество**), которая существует в оппозиции **свое / чужое**. Затем посредством обращения к категории способа, которая также проявляется в оппозиции **известное / неизвестное**. В рамках третьего определения автор делает особенный акцент на **месте**, т. е. обращается к пространственной категории. Можно сказать, что понятие **гетто** попадает под все три приведенные выше дефиниции, которыми возможно определить **чужое**, однако в наиболее устоявшемся смысле понятие «гетто» имеет именно пространственный контекст. Так, например, американский социолог Луис Вирт говорит о том, что «в нынешние времена слово “гетто” применяется не к месту офици-

ально регламентированного поселения евреев, а скорее к тем локальным культурным ареалам, которые сформировались с течением времени либо были добровольно ими выбраны или построены. В особенности оно применяется к тем ареалам, где проживает самая бедная и отсталая группа еврейского населения маленьких и больших городов» [3, с. 124]. Это методология этносоциального исследования данного феномена.

Швейцарский антрополог Кристиан Джордано, говоря в своем произведении «Эссе по межкультурной коммуникации» (англ. *Essays in Intercultural Communication*) о целесообразности манипуляции недоразумениями для реализации задач культурной политики, вводит понятие управления чужим [4]. В данном ключе можно было бы говорить о гетто как о виде инструмента управления чужим.

Оба упомянутых выше автора на самом деле говорят об опыте чужого. По этой проблеме можно найти и противоположные мнения. Так, сербский ученый Бранимир Стойкович в своем труде «Идентичность и коммуникации» говорит о невозможности познания **чужого** опытным путем, если это чужое на самом деле является чужим, и приводя пример встречи «третьей степени» в собственной классификации контактов (Б. Стойкович рассматривает контакт сквозь призму соотношения гомогенности и гетерогенности и выделяет четыре модели коммуникаций: на основе принадлежности к одной и той же культуре (например, встреча двух англичан); на основе принадлежности к разным культурам, которые имеют некие общие элементы (например, встреча англичанина и китайца); на основе наличия только лишь точек соприкосновения, когда коммуницирующие узнают в друг друге человеческое существо, но не имеют никакого общего опыта (например, встреча представителей племени, уровень развития, которого остался на уровне каменного века, с членами экспедиции); на основе отсутствия каких-либо

коммуникаций. Контакты с внеземными формами разума данный автор относит к третьей модели (контакты третьей степени.), он утверждает, что предсказать и осознать такой контакт невозможно, а возможно только испытать, если такой контакт вообще будет иметь место [5].

Контакт с абсолютно чужим, таким образом, невозможен, кроме как в случае, когда это чужое окажется в своем, в контексте, где тогда это чужое уже не будет совсем чужим, или когда мы окажемся в контексте этого чужого, где, опять же, это чужое уже не будет таким чужим, раз мы его осознаем и действуем в нем. Однако контакт с относительно чужим возможен и растягивается почти до самых границ чужого. Гетто как раз является примером пограничного, относительного чужого, где контакт двух групп, как правило, подразумевает доминирование одной или подчинение другой группе. В этом случае гетто является, так сказать, культурологическим идентификатором.

Если брать конкретные примеры, то идентификатором еврейской геттоидентичности являлась желтая звезда на плече, которая была «снята» лишь в 1948 г., после получения евреями собственного государства, впервые со времен библейского исхода и гонений. Предполагалось, что вместе с этим гетто и гонения перестанут быть идентификатором еврейской идентичности. Между тем можно говорить о том, что этого не произошло – особенно, если принять во внимание, что еврейские диаспоры в различных государствах не уменьшились даже близко до той меры, в которой это ожидалось. Идентификатор **чужого** остался, а деидентификатор, который бы придавал новое значение и идентичности, не лежит на поверхности. Вероятно, грубо говоря, как это ни парадоксально звучит, чужое здесь есть нечто, что выбрано для сохранения. По нашему мнению, гетто сейчас, хотя и не ограничено пространственно, но культурологически определенно, выделено.

Понятие «гетто» впервые было применено в 1516 г. для именованья обособленного каналами места в районе Каннареджо (Венеция), где принуждали жить венецианских евреев, и выражает сегодня совсем другой смысл, а именно отчужденность не только социальную или культурную, но в первую очередь антропологически окрашенную в виде отчуждения человека от своих телесных и психологических характеристик [6]. Абсолютная индивидуализация приводит к восприятию каждого чужого как врага, что привело бы к возвращению в первобытное дозаконное состояние: «В природном состоянии [Naturzustand], каждый каждого может убить [kann jeder jeden töten]; каждый знает, что может убить каждого; каждый – это неприятель [Feind] и конкурент [Konkurrent] кому-то другому – это знаменитый *bellum omnium contra omnes*» [7; 8].

Американский социально-культурный антрополог, социолог и философ индийского происхождения Арджун Аппадураи в своем труде «„Современность“ на просторе: культурные измерения глобализации» (англ. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*) рассматривает национальное государство как некий в историческом смысле завершённый, точнее, пройденный этап, в соответствии с чем сложно ожидать появления каких бы то ни было новых государств – ни немецкого, ни французского типа [9]. Если государства не в состоянии быть посредником в эпоху постмодерна как общественных групп, так каждого человека в отдельности и глобальных объединений, то возникает пустое пространство, а в большей степени вакуум, который втягивает в себя с силой черной дыры, и возникает нечто, что Аппадураи называет «разомкнутость», разделенность. Как мы понимаем, речь здесь идет о невозможности «скрепления» с историей, традицией, т. е. опоры на все общественные формы, которые некогда были ограниченной и определенной совокуп-

ностью, а в настоящий момент представляют собой не только неограниченную, но также и неопределенную совокупность перспектив, которые постигаются / достигаются *воображением*. Термин «*воображение*» здесь очень важен, так как речь идет не о некоей абстракции, хотя сама по себе *воображение* таковым и является, а о ежедневной подаче, навязывании, пропаганде в неисчисляемых количествах посредством всех видов медиа, которые подобным образом формируют отдельные, частные, разнородные и многочисленные картины мира у потребителей, ожидающих их реализации в повседневности или стремящихся реализовать. При этом данные картины между собой могут быть совсем *чужими* по отношению друг к другу.

В этом все более усложняющемся мире доступ к информации станет вопросом выживания. На самом деле это уже итак представляет современные реалии. Те, у кого нет к информации доступа или этот доступ ограничен либо же доступ имеется лишь к неточной или неверной информации, неминуемо попадают в бинарную оппозицию нижестоящий / вышестоящий, это определено в границах информационного гетто, которое может не иметь географической привязки, но все-таки будет ограничено гетто, где бы оно ни было. Вопрос, который в связи с этим мы можем задать вслед за некоторыми учеными, в частности за Аппадураи, можно сформулировать так: управляют ли описанными переменами из единого центра? Достаточно радикальной представляется версия о том, что все внешнее – чужое – может сосуществовать только лишь в форме гетто.

Геттоизация является антиподом интеграции и значительно увеличивает разобщение, т. е. ухудшает интеракцию между социальными группами мигрантов и местным населением. Вероятно, здесь, в этом положении Аппадураи предсказывает намного большие глобальные перемены, чем и сам бы мог подумать, что

делает его позицию похожей на идеи американского философа, политолога, политического экономиста и писателя японского происхождения Ёсихиро Фрэнсиса Фукуяму, автора книги «Конец истории и последний человек» (англ. *The End of History and the Last Man*) [10]. Ф. Фукуяма следует идее Мартина Хайдеггера, высказанной им в его произведении «Тождество и различие», о том, что мышление людей не может быть никаким другим, кроме как традиционным, предположим, что оно также не может быть никаким другим, кроме как историческим, а, таким образом, и государственным [11].

Представление о других всегда стигматизированно, как отмечает американский социолог канадского происхождения Ирвинг Гофман, автор произведения «Стигма. Заметки об управлении испорченной идентичностью» (англ. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*) [12]. Чужой никогда у себя и со своими, он всегда в гетто. Чужое очень легко становится потусторонним или, выражаясь религиозным языком, дьяволом, сатаной или мифологическим драконом, которого нельзя приручить и отвести в загон (которое бы, конечно, было бы ничем иным, нежели гетто), а можно только убить или быть им убитым. Поэтому всегда виноваты те другие, те, кто не мы, чужие, тем, кто по ту сторону изгороди гетто. Поэтому голливудская продукция обилует фильмами, в которых инопланетяне нападают, завоевывают, уничтожают Землю, в то время как противоположные примеры некоего взаимопонимания и сотрудничества, честно говоря, найти можно, но с трудом и в несравнимо меньшей мере. В мировой литературе ситуация в этом вопросе не намного лучшая.

Результаты и их обсуждение

Социальные аспекты геттоизации приводят нас к антропологическим последствиям. Гетто – это социальная дра-

ма, которая на практике, намеренно или нет, смягчается. Например, в современном американском обществе индейские резерваты, являющиеся хрестоматийными примерами того, что мы называем гетто, полностью скрыты или стерты из американской истории и не обладают идентификаторами (хотя у них нет и де-идентификаторов), которые бы регулярно становились частью культурного контекста или медийного контента. Несколько более мягкий, однако, ни в коей мере не менее лукавый пример представляют собой черные кварталы в Америке, которые сами провозгласили себя и рассматриваются как гетто. Однако ожидаемому сочувствию к их жителям, которое должно было бы возникнуть, во многом препятствует индустриализация развлечений (в данном случае – музыкальная индустрия), которая посредством направлений мейнстрима зарабатывает астрономические суммы, эксплуатируя явление гетто. На самом деле не так далеко от истины утверждение неолиберализма: до тех пор, пока это приносит прибыль, неважно, что мы чужие друг другу, но этот факт влечет за собой ряд проблем. Чужое может стать основой для бизнеса.

В действительности, отчуждение есть глобальное явление XXI века, причем присущее именно отношениям между людьми и доходящее до той степени, что в психологии, точнее в психопатологии, обозначается как самоотчуждение, с последствиями, которые приводят к медицинским диагнозам. Это можно было бы назвать «негативной индивидуацией». Так и порождается феномен чужого, поскольку процесс, в котором человек не может прийти к самореализации своей аутентичной личности (что было бы позитивной индивидуацией), а приходит к разрушению личности или раздвоению, а затем и к умножению личности, до той меры, что чужое становится не просто внешним аффектом, а неким «внутренним гетто», в котором с другой стороны чужой. Но чужой также и тот, кто с этой

стороны, т. е. и тот, кто наблюдает наблюдаемого, и наблюдаемый, которого наблюдают.

Мы полагаем, что в этом многообразии картин мира можно усмотреть как свободу и разнообразие, так и препятствие для контакта, ведь возможным становится взаимное оспаривания права на существование двух общественных групп, различие между которыми определяется различием их картин мира. В этом случае гетто бы снова было инструментом для управления чужим.

Параллельно с **индивидуацией**, которая должна была бы быть самостоятельным действием, на практике – массовая индивидуализация, однако о которой мы не могли бы со стопроцентной уверенностью сказать, что она – самостоятельное действие, хотя по определению она должна была бы таковою быть. Скорее, можно было бы сказать, что мы пришли к тому, что инструменты меркантильного сознания оказались развиты до крайней меры доступными технологиями, чтобы (по крайней мере, внешне) удовлетворить каждого покупателя в отдельности. Это проникло и в другие области человеческой жизни и деятельности. Индивидуализм таким образом доведен до той меры, особенно там, что мы называем Западным миром, что достаточно одного священника для формирования религии, достаточно одного политика для формирования партии с определенными политическими взглядами, достаточно одного мнения, чтобы ни одно другое и отличное не принималось. Индивидуализм не то же самое, что и аутентичность, скорее всего, это вынужденная чуждость.

Индивидуум, как никогда раньше, имеет широкий выбор для собственной картины мира. Никто не говорит о том, что существует некое золотое сечение, общая совокупность таких отдельных картин мира, как принятая полноценный социальный конструкт. Если это именно такой случай, то каждый из нас есть не-

кое малое гетто, а тот, с другой стороны – всегда чужой, это значило бы, что чужое необходимо исследовать так же, как и по-тустороннее проявление «чужого бытия».

Значения синтагм, которые мы до сих пор использовали в своей работе: менеджмент чужого, (не)возможность познания чужого опытным путем, идентификатор чужого, деидентификатор чужого, информационное гетто, разомкнутость / разделенность существа, новая картина мира, *unutrašnja atrakcija*, негативная индивидуация, абсолютная индивидуализация (*bellum onia contra omnes*), вынужденная чуждость, хотя и принадлежат социокультурологическому, а в более широком смысле слова – и философскому контексту, свое особенное место и расшифровку имеют и в трансгуманизме.

Чужое в трансгуманизме перестает быть чужим, так как из синтагмы, которая обозначает социокультурные феномены, она перерастает в непосредственное телесное, связанное с наличием или отсутствием ощущений. Такой невероятный феномен становится возможным ввиду наличия развитых технологий в области естественных наук, в частности в генетике. И здесь для трансгуманистов в этом нет никакой проблемы – духовной либо практической, хотя этот процесс еще не завершен и мы не можем доказать наличие конечного его этапа, т. е. можно только верить или не верить в него. Если в него верить, то в этом случае мы отмечаем переход от научного подхода (которым трансгуманисты гордятся и которым они привлекают новых последователей) к современной религии, которая, как многие другие древние потребности, есть не что иное, как вечная жизнь. Разница здесь лишь в том, что трансгуманизм для выполнения своих обещаний, кроме доверия и веры, еще требует и электричества.

Таким образом, «электронное или технологическое чужое», которое превосходит свое «природное гетто», в результате приводит к появлению нового

человека с характеристиками аппарата. Как аппарат, который сегодня бывает аналоговым, так и человек в рамках механистической материалистической парадигмы рассматривается как «природный аппарат» (что и было в рамках философии натурализма) и «цифровой аппарат», что означало бы киборга или электронного человека в парадигме трансгуманизма.

В своем футурологическом эссе «Мир, Плоть и Дьявол» (англ. *The World, the Flesh & the Devil: An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul*), являющимся своего рода трансгуманистическим манифестом, британский физик и социолог науки Джон Десмонд Бернал говорил о том, что поколение прямой линии людей постепенно исчезнет, и эта перемена будет на уровне того, как когда появился первый человек на Земле [13]. Шведский философ, директор «Института будущего человечества» в Оксфорде и автор книги «Искусственный интеллект в своей работе «Этапы. Угрозы. Стратегии» (англ. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*) Ник Бостром вместе со своими единомышленниками-трансгуманистами утверждает, что человеческая природа не завершена и человечество не является последней точкой эволюции, а будущие постлюди будут иметь несравнимо большие возможности по сравнению с сегодняшними [14]. Современные люди, согласно этому подходу, в будущем были бы как несознательные, отставшие примеры эволюции, существовали бы лишь в зоопарке и служили бы лишь для экспериментов, – это есть пример антропологического гетто.

Таким образом, этнологические, социальные и культурологические формы феномена *Чужого* сегодня в пределах осмысления явлений киборгизации человека во всех его телесных и психических уровнях, появления других различных проявлений информационного общества и новых типов гуманизма есть выражение новых форм отчуждения человека от са-

мого себя. Так, человек сам себе становится чужим, поскольку психобиологическая природа в ее целостности такому новому идеалу человека, рисуемому трансгуманистами, становится чуждой, инородной, несовершенной.

Телесность человека сегодня технологична. Технологии проникают в жизнь тела, его живую плотность (от слова «плоть») и формируют нечто похожее на интерфейс с компьютером «технологические проекты» телесности. Не только вживление имплантов, не только моделируемость, гибкая технологическая изменяемость на потребу моде имеются в виду. Но более глубокое – устранение той оболочки жизненности и душевности, окружающей тело, ведь речь идет не просто о физическом тела, а, если хотите, о тех загадочных категориях, которые мы встречаем в Священном Писании, когда речь заходит об одеждах, которыми Господь наделил Адама и Еву после грехопадения, об «оболочках», история происхождения которых столь же темна, как и человеческого существа вообще. Это то, что пытались нащупать экзистенциалисты, смутно предчувствуя развитие механистического «сущего» в ущерб экзистенциальному «бытию». Об этом говорил М. Хайдеггер в своей характеристике техники и технологического мировосприятия как «постава», заслоняющего от человека истинное бытие [15]. Поставляющее производство, по Хайдеггера, заслоняет от человека истину и его собственного бытия [16].

Но вот что об этом говорит Ж. Бодрийяр в контексте своего анализа феномена клонирования которое. По его мнению, есть продолжение принципа индустриального производства как серийного производства товаров и вещей да и индивидуумов в рамках капиталистического производства. В клонировании так же, как в производстве, речь идет о голом *вос-*производстве серийной демультипликации без аутентичности индивидуальности. Бодрийяр ссылается на В. Бе-

ньямина, анализировавшего сквозь призму подделок в искусстве, которые представляют собой различные формы репродукции кино, массмедиа, фото [17, с. 183]. «При клонировании, – пишет Бодрийяр, – нечто подобное происходит уже не только на уровне месседжей, но и на уровне индивидуумов. В сущности, именно это и происходит с телом, когда оно мыслится лишь как некий месседж, как носитель информации и сообщений как информационная субстанция. Тогда ничто не мешает его серийному воспроизводству, о котором можно говорить в той же терминологии, которую использует Беньямин, рассуждая о промышленных товарах серийного производства и о продуктах массмедиа. Происходит прецессия воспроизводства относительно производства, прецессия генетической модели над всеми возможными телами. Этот переворот обусловлен вторжением технологии, той самой, которую Беньямин описывает в ее крайнем проявлении как всеобщий медиум и гигантский протез индустриальной эпохи, управляющий производством идентичных предметов и образов, отличить которые друг от друга уже невозможно никаким способом, еще не представляя себе уровень современного развития этой технологии, которая, производя идентичные существа, делает невозможным возврат к оригиналу» [17, с. 184].

Трансгуманизм представляет этот процесс трансформации естественного в искусственное как вполне органичный процесс (вероятно, в духе теории ноосферы – появления сферы разума как некой надстройки над биосферой, атмосферой и проч.). И что представляется значимым в рамках нашего исследования, так это то, как он говорит о ментальных репродукциях многочисленных типичных «сознаний»: «Протезы индустриальной эры все еще внешние, экзотехнические, те же которые нам известны сегодня, превратились во внутренние разветвленные протезы в протезы эзотехнические.

Мы живем в эпоху софт-технологий, в век генетического и ментального программного обеспечения (software)» [17, с.184]. Как подразумевается из использования частиц «экзо» и «эзо», речь идет об открытом, внешнем и скрытом, внутреннем планах существования этой тенденции.

Информационное общество репродуцирует одинаковость как матричность сознания и стандарты телесности. Феномен клонирования демонстрирует по Бодрийяру следующее: «Если все клетки задуманы, прежде всего, как вместители одной и той же генетической формулы (и это относится как к идентичным индивидуумам, так и ко всем клеткам одного и того же индивидуума), то что же они представляют собой как не раковое распространение этой базовой формулы? Метастаз, начавшийся с серийного производства товаров, заканчивается на уровне клеточной организации. Бесплезно спрашивать себя, является ли рак болезнью капиталистической эпохи» [17, с. 186], т. е. Бодрийяр говорит здесь о бесконечном репродуцировании типичного как некой болезни – патологическом размножении клеток. В этом смысле трансгуманизм есть прямо-таки самое явное проявление этого общества бесконечного репродуцирования симулякров, у-множения телесности в ее самом неприглядно-потребительском виде.

Неизбежно, что эти процессы «редупликации», по образному выражению Ж. Бодрийяра, не могли не отразиться на бытии телесности, с которой в таком мире бесконечной репродуктивности и штамповки проделывают удивительные вещи. Так, например, «вместе с необратимым технологическим “прогрессом”» меняется картина тела: когда мы движемся от загара на солнце, что уже соответствует искусственному использованию естественной среды, т. е. превращению этой среды в телесный протез (само тело становится симулированным, но где его истина?), к загару в домашних условиях с помощью йодной лампы (это еще старая

добрая механическая техника), далее – к загару с помощью таблеток и гормональных препаратов (химический протез, который проглатывается) и в заключение – к загару, полученному в результате вмешательства в генетическую формулу (стадия несравненно более продвинутая), но речь идет все же о протезе: просто он окончательно интегрирован, и при этом не задействованы ни поверхность, ни отверстия тела)... [17, с. 187]. Вот поистине идеал трансгуманизма с его открытием возможностей для искусственного совершенствования человека, – идея, идущая от концепта прогресса, проходящая через философию технологического оптимизма и русского космизма и находящая себе успокоение в трансгуманизме.

Но что интересно, такое же моделирование и протезирование имеют место и на ментальном уровне посредством использования психотропных препаратов. Об этом мало кто задумывается, но ведь в этом случае мы имеем дело, по сути, с искусственно сконструированным сознанием человека. Ни для кого это сегодня не секрет, и эта мысль даже является общим местом в рассуждениях об информационном обществе, что информационная эпоха с помощью средств массовой информации формирует наше сознание. Но, оказывается, можно говорить и о глубинной микрохирургии, незаметном изуродовании нашей психики и психологии с помощью фармпрепаратов, способных конструировать наши ментальные состояния. Как говорит по этому поводу Бодрийяр, «тело, испытывающее воздействие психотропных средств, – это тело, смоделированное “изнутри”, оно уже не проходит более через перспективное пространство репрезентации зеркала и дискурса. Это тело молчаливое, ментальное, уже молекулярное, но больше не зеркальное, тело, метаболизирующееся напрямую без участия действия или взгляда; тело имманентное, без отличий, без мизансцены и трансцендентности, тело, обреченное на импловивный мета-

болизм продуктов деятельности мозга и эндокринной системы, тело, обладающее чувствительностью, но не способное к восприятию, ибо оно связано лишь с внутренними нервными окончаниями, но не с объектами прецепции окружающего мира, поэтому оно может быть низведено до самого ничтожного нулевого, “чистого уровня” чувствительности...” [17, с. 187-188]. В этом случае при реализации этих характеристик открывается возможность не только к манипулированию телесностью, но такое тело, «лишенное своей сути и своего смысла», которое может быть бесконечно трансформируемо «вследствие преобразования генетической формулы или биохимической зависимости» [17, с. 187-188]. А об этой последней стадии распада телесности ввиду возможности сверхконструирования идет сегодня речь в разговорах об NBIXS-конвергенции, когда открываются шлюзы для виртуалистики на пространстве телесности, когда последняя рассматривается просто как материал для различного рода усовершенствований и становится в окончательной степени «машиной», поскольку для достижения «эффективности» соединяется некими интерфейсами по определенным технологиям с компьютерами, искусственным интеллектом и прочими системами мира «искусственного». Ник Бостром в связи с этим задается вопросом о времени появления сверхума как вполне закономерном этапе усовершенствования разума с помощью создания нечеловеческого разума [18], превосходящего человеческий. Но он ведь по природе своей именно **чужой**. Таким образом, трансгуманизм обостряет эту проблему до тотального неразличения экзистенциально своего и открывает путь к тотальному отчуждению как выражению победы **чужого**.

Здесь медиализация телесности, зафиксированная в свое время М. Фуко [19], имеет продолжение в виртуализации телесности. Сегодня мы наблюдаем новый вид технологизации внутренних

процессов и одновременно более эффективной медиализации телесности с помощью прививок [20].

Выводы

Процесс медиализации телесности имеет продолжение в медиализации социума в период пандемии. Мы сейчас, как показал этот период, полностью уже включены в дискурс медицины, ведь ограничения, вводимые на отправление физических, биологических, социальных и духовных проявлений человека, носил поистине тотальный характер. Тело выступает в эпоху постпандемии, с одной стороны, как источник конструирования, с другой – *Чужой* воспринимается как **опасное тело**. В этом – фундаментальное отличие медиализации телесности, а также ее конструирования в современной ситуации. Так, человек – это в первую очередь источник и совокупность тех потенциальных опасностей, воплощенных, к примеру, в вирусах. При этом тело выступает как некий коллективный субъект или, вернее, объект манипуляций.

Сегодня есть предпосылки для культурного и социального гетто для тех, кто

не входит в ареал «своих», т. е. принявших правила структурирования своей телесности и психики в соответствии с установками трансгуманизма.

Таким образом, сегодня мы можем констатировать фундаментальный поворот в понимании *Чужого* как проявление отчуждения, так сказать, «по медицинским показаниям», причем это отчуждение в свой вектор включает процессы трансформации телесности человека, являющиеся феноменологически (физиологически, онтически) чуждыми его телесности в виде протезов или имплантов (технология активизации иммунитета есть технологизация внутренних процессов с помощью прививок и находится в том же ключе трансформации природы человека). Как, впрочем, и психически – в виде настройки феноменологически чуждой для живой психики и нервной системы информационно-компьютерных программ, веществ, моделирующих и корректирующих гормональные процессы организма и прочие явления, отчуждающие саму природу человека, его психику и телесность от него самого.

Список литературы

1. Ольхов П. А., Мотовникова Е. Н. Ценностно-смысловые доминанты философского конгресса (поправки эпохи COVID-19) // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 24–28.
2. Valdenfels B. Osnovni motivi fenomenologije stranog. Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2010.
3. Николаева В. Г. 005. 01. 022. Вирт Л. Гетто (главы из книги)* Wirth L. The ghetto. - Chicago: University of Chicago Press, 1928. - P. 1-39 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2005. № 1. С. 121-149.
4. Đordano K. Ogledi o interkulturnoj komunikaciji. Zemun: Biblioteka XX vek; Beograd: Čigoja štampa: Krug, 2001.
5. Stojković B. Identitet i komunikacija. Beograd: Fakultet političkih nauka: Čigoja štampa, 2002.
6. Штереншис М. Евреи: история нации. Герцлия: Исрадон, 2008. 560 с.
7. Schmitt C. L'Etat comme mécanisme chez Hobbes et Descartes // Temps Modernes. 1991. N 544. P. 1–14.
8. Staat Gr. Nomos. Arbeiten, aus den Jahren 1916-1969. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. P. 139.
9. Appadurai A. Kultura i globalizacija. Beograd: Biblioteka XX vek: Krug, 2011. Vol. 195.
10. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Simon and Schuster, 2006. 432 p.
11. Heidegger M. Identität und Differenz. Pfullingen. Verlag Günther Neske, 1957. P. 69.

12. Goffman E. *Stigma: zabeleške o ophođenju sa narušenim identitetom*. Novi Sad: Mediterran Publishing, 2009. Vol. 3.
13. Bernal J. D. *The World, the Flesh & the Devil: An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul*. London: Jonathan Cape, 1929. 112 p.
14. Bostrom N. *Superinteligencija: putevi, opasnosti i strategije*. Novi Sad: Akademska knjiga, 2018.
15. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1998. 549 с.
16. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 233.
17. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2020. 384 с.
18. Bostrom N. How Long Before Superintelligence? // *International Journal of Futures Studies*. 1998. N 2.
19. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.
20. Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Институт Гайдара, 2020. 432 с.

References

1. Ol'xov P. A., Motovnikova E. N. Tsennostno-smyslovye dominanty filosofskogo kongressa (popravki epokhi COVID-19) [Value-semantic dominants of the philosophical congress (rectification of the era of covid-19)]. *Voprosy`filosofii = Philosophy Questions*, 2020, no. 12, pp. 24–28.
2. Valdenfels B. [Main motives of a phenomenology of the foreign]. Novi Sad, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2010. (In Serb.)
3. Nikolaeva V. G. 005. 01. 022. Virt L. Getto (glavy iz knigi)* Wirth L. The ghetto. - Chicago: University of Chicago Press, 1928. - P. 1-39 [005. 01. 022. Wirth L. Ghetto (chapter)* Wirth L. The ghetto. - Chicago: University of Chicago Press, 1928. - P. 1-39]. *Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature. Ser. 11, Sociologiya: Referativny`j zhurnal = Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 11, Sociology: Abstract Journal*, 2005, no. 1, pp. 121-149.
4. Đordano K. [Essays on intercultural communication]. Zemun, Biblioteka XX vek, Beograd, Čigoja štampa, Krug, 2001. (In Serb.)
5. Stojković B. [Identity and Communication]. Beograd, Fakultet političkih nauka, Čigoja štampa, 2002. (In Serb.)
6. Shtereshis M. *Evrei: istoriya natsii* [Jews: the history of the nation]. Herzliya, Isradon Publ., 2008. 560 p.
7. Schmitt C. [The State as a mechanism in Hobbes and Descartes]. *Temps Modernes*, 1991, no. 544, pp. 1–14. (In French)
8. Staat Gr. [Nomos. Works from the years 1916-1969]. Berlin, Duncker & Humblot, 1995, pp. 139. (In German)
9. Appadurai A. [Culture and Globalization]. Beograd, Biblioteka XX vek, Krug, 2011, vol. 195. (In Serb.)
10. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Simon and Schuster, 2006. 432 p.
11. Heidegger M. [Identity and difference]. Pfullingen. Verlag Günther Neske 1957, p. 69. (In German)
12. Goffman E. [The Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity]. Novi Sad, Mediterran Publishing, 2009, vol. 3. (In Serb.)
13. Bernal J. D. *The World, the Flesh & the Devil: An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul*. London, Jonathan Cape, 1929. 112 p.
14. Bostrom N. [Superintelligence: Paths, Dangers and strategies]. Novi Sad, Akademska knjiga, 2018. (In Serb.)
15. Heidegger M. *Evropeiskii nihilizm* [European Nihilism]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The problem of Man in Western philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1998. 549 p.
16. Heidegger M. *Vopros o tekhnike* [The Question Concerning Technology]. *Vremya i bytie* [Being and Time]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 233 p.

17. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer society]. Moscow, AST Publ., 2020. 384 p.
18. Bostrom N. How Long Before Superintelligence? *International Journal of Futures Studies*, 1998, no. 2.
19. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 416 p.
20. Proshchai, COVID? [Farewell, COVID?]; ed. by K. Gaaze, V. Danilova, I. Dudenkovoij, D. Kralechkina, P. Safronova. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara Publ., 2020. 432 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Вукчевич Неманя, кандидат социологических наук, докторант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: nemanja.vukcevic2021@gmail.com,
ResearcherID: GNW-5477-2022,
ORCID: 0000-0003-3682-3888

Шелекета Владислав Олегович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: vladshelo@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4515-4420

Nemanja Vukcevic, Cand. of Sci. (Sociological), Doctoral Candidate of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shoukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: nemanja.vukcevic2021@gmail.com,
ResearcherID: GNW-5477-2022,
ORCID: 0000-0003-3682-3888

Vladislav O. Sheleketa, Dr. of Sci. (Philosophical), Professor Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shoukhov, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: vladshelo@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4515-4420